

DOI 10.23859/2587-8344-2018-2-3-6

УДК 930.23(477)

Баранов Андрей Владимирович

Доктор исторических наук, доктор политических наук,
профессор, Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)
baranovandrew@mail.ru

Baranov Andrey

Doctor of Historical Sciences,
Doctor of Political Sciences, Professor, Kuban State University
(Krasnodar, Russia)
baranovandrew@mail.ru

**Актуальное исследование мифотворчества
в украинской историографии и публицистике*****Actual Study of Myth-making in Ukrainian Historiography and Publicism**

Аннотация. Автор рецензирует монографию А.В. Ставицкого «Национально-исторический миф Украины» (Севастополь: Рибэст, 2015. 748 с.). Подчёркивается актуальность теоретического исследования мифотворчества в национальной историографии Украины. Определены концептуальные основания мифологизации исторического знания, роль мифологии в конструировании идентичности и перекодировке сознания. Выявлены назначение, принципы и особенности украинской мифоистории. Уделено внимание версиям происхождения Украины, процессам исторического выбора Украины между Западом и Востоком, национально-историческому образу Украины.

Ключевые слова: миф, мифотворчество, Украина, историография, публицистика, конструирование идентичности, национализм, критика.

* Для цитирования: Баранов А.В. Актуальное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2018. Т. 2. №3. С. 173–191. DOI: 10.23859/2587-8344-2018-2-3-6

For citation: Baranov, A. “Actual Study of Mythfoft in Ukrainian Historiography and Publicism”. *Historia Provinciae – The journal of regional history*, vol. 2, no. 3 (2018): 173–91, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2018-2-3-6>

© Баранов А.В., 2018

© Baranov A., 2018

Abstract. The author reviews A.V. Stavitsky's monograph 'National Historical Myth of Ukraine' (Sevastopol: Ribest, 2015. 748 p.). The topicality is emphasized for the theoretical study of myth-making in the national historiography of Ukraine. The conceptual framework of mythologization regarding historical knowledge, the role of mythology in construction of identity and the recoding of consciousness are defined. The purpose, principles and features of the Ukrainian mytho-history are revealed. Attention is paid to various versions on origin of Ukraine, the processes of Ukraine's historical choice between East and West, the national-historical image of Ukraine.

Keywords: myth, myth-making, Ukraine, historiography, non-fiction, construction of identity, nationalism, criticism

Введение

Актуальность темы монографии А.В. Ставицкого, кандидата философских наук, доцента кафедры истории и международных отношений МГУ имени М.В. Ломоносова в г. Севастополе, очевидна. Давно прошли времена, когда позитивисты наивно декларировали «смерть мифа» и полную рационализацию исторического знания. Современная историография признала, что и научные, и обыденные оценки прошлого всегда обусловлены картиной мира, мировоззрением тех или иных обществ в целом либо социальных групп. В данных социокультурных феноменах неизбежно существует мифологический компонент – иррациональные, синкретичные, ценностно ориентирующие представления о мире, в том числе – исторические¹. Мифы, как резонно пишет А.В. Ставицкий, «не анализируют, не оценивают, критически не обсуждают. Их только соблюдают и культивируют, даже этого не замечая»².

Мы уточним, что разделяем социально-конструктивистскую парадигму (П. Бергер, Т. Лукман) применительно к анализу исторического знания³. Данная позиция позволяет выявить в мифологизации прошлого черты исторической политики – преднамеренного искажения реальности в целях борьбы за власть, контроля над общественным сознанием. По определению В.Э. Молодякова, в основе исторической политики – «базовый сюжет, зачастую приобретающий характер мифа ... Это некая ось, вокруг которой вращается или, по крайней мере, должно вращаться историческое сознание подданных и всё, что его форми-

¹ Cassirer E. The philosophy of symbolic forms. Vol. 2: Mythical thought / transl. by R. Manheim; introductory note by Ch.W. Hendel. New Haven; London: Yale University Press, 1955. P. 23–25; Magoulick M. What is Myth? URL: <https://faculty.gcsu.edu/custom-website/mary-magoulick/defmyth.htm> (accessed: 09.08.2018); Segal R.A. Myth: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 34.

² Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 18.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 239–261.

рует, включая преподавание истории и исторические исследования, хотя бы в той мере, в какой власть контролирует последние»⁴.

Кроме того, что мифология выступает неизбежным атрибутом самоорганизуемого массового сознания, мифология целенаправленно и расчётливо конструируется элитами – политическими и интеллектуальными⁵. В условиях информационного общества миф обретает качества «матрицы», в соответствии с которой формируются выгодные правящим элитам образы прошлого, настоящего и будущего, равно как и разрабатываются стратегии цивилизационного и идеологического контроля над сознанием. Посредством мифотворчества элиты конструируют идентичности, поддерживают или меняют ценностные смыслы обществ сообразно своим целям обретения и удержания власти.

Особенно важна историческая мифология для «периферийных» государств и народов, испытывающих острый комплекс неполноценности, стремящихся сублимировать своё второстепенное положение в мировой культуре, экономике, политике путём сочинения мифов о героическом прошлом. Такие смысловые конструкции опасны, поскольку они обеспечивают архаизацию массового сознания в дуальных категориях «свой – чужой», воспитывают радикальные и этнонационалистические установки поведения. В полной мере названные закономерности проявляются в случае мифотворчества в современной украинской историографии и публицистике⁶.

Основная часть

Рецензируемая монография А.В. Ставицкого весьма необычна и по своим задачам, и по структуре. Автор двадцать лет работает над темой украинского исторического мифотворчества, для чего, проживая в Севастополе до 2014 г., нужно было иметь немалое гражданское мужество. Замысел исследователя последовательно реализовался в нескольких монографиях, каждая из которых

⁴ Молодяков В.Э. Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. III. М.: АИРО–XXI, 2012. С. 16.

⁵ Heehs P. Myth, History, and Theory // History and Theory. Middletown, 1994. Vol. 33. No. 1 (Feb.). P. 1–19; Coakley J. Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // Nationalism and Ethnic Politics. London, 2004. Vol. 10. Is. 4. P. 531–560; Мосионжник Л.А. Технология исторического мифа. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 11.

⁶ Cohen J. The Historian Whitewashing Ukraine's Past // The Foreign Policy. 2016. No. 5. The Foreign Policy Journal. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/> (accessed: 09.08.2018); Himka J.-P. Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History. URL: <https://ukraineanalysis.wordpress.com/2011/08/07/interventions-challenging-the-myths-of-twentieth-century-ukrainian-history/> (accessed: 09.08.2018); Kappeler A. Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories // Journal of Eurasian Studies. Den Haag, 2014. Vol. 5. Is. 2. July. P. 107–115; Kuzio T. Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian – Ukrainian Conflict // Studies in Ethnicity and Nationalism. London, 2015. Vol. 15. No. 1. P. 157–169.

раскрывает важный мифологизированный сюжет истории Украины – Переяславскую Раду⁷, российско-украинские отношения в эпоху Северной войны⁸, предательство И. Мазепы⁹, провозглашение независимости Украины в 1917 г. и «Голодомор» 1932–1933 гг.¹⁰, постсоветское нациестроительство¹¹, «нищету духа» украинских элит¹² и др. Автор подчеркивает свою верность междисциплинарному подходу, отдавая должное и философским, и историческим, и политическим аспектам украинского мифотворчества в их неразрывном взаимодействии. По его мнению, «занимаясь историей, мы в конечном итоге пытаемся понять не столько прошлое, сколько настоящее»¹³. Мифы наделяют конкретно-исторические события символическим значением. Для мифотворчества нужна не вся система фактов и процессов в их объективной детерминации, а только явления, актуальные для современного общества и пристрастным образом переосмысленные. Мифы – удобный материал для формирования и перекодирования исторической памяти общества, конструирования новых наций. Это делает мифы эффективным оружием информационных войн.

А.В. Ставицкий даёт определение мифоистории как целенаправленного воздействия на общественное мнение с целью добиться контроля над национальной идентичностью, приспособив прошлое к интересам правящих элит. Украинская мифоистория своеобразна тем, что она требует полностью разорвать исторически сложившиеся смысловые связи (представление об общих исторических корнях русских, украинцев и белорусов; положительную оценку воссоединения Украины с Россией; понимание исторической России как Отечества для малороссов – будущих украинцев и др.). Назначение украинской мифоистории резонно определено А.В. Ставицким в качестве:

- составной части системы контроля над сознанием украинцев;
- эффективного инструмента манипуляции, создающего новое пространство смыслов, над которым не властна научная логика;
- способа этнической и цивилизационной перекодировки, отказа от своих исторических корней, прикрываемого произвольной «подборкой» исторических фактов;

⁷ Ставицкий А.В. Переяславская Рада: опыт мифологической интерпретации. Севастополь: Рибэст, 2014.

⁸ Ставицкий А.В. Мифы Украины: Батуринская резня. Севастополь: Рибэст, 2012.

⁹ Там же.

¹⁰ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015.

¹¹ Ставицкий А.В. Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013.

¹² Там же.

¹³ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 35.

– составной части украинского проекта нациестроительства, мотивированного на паразитическое существование за счёт российской цивилизации и принципиального её отрицания¹⁴.

Задачи украинской мифоистории – следующие, по мнению автора:

- взять под контроль поле ценностных смыслов, в котором создаётся идентичность жителей Украины;
- формировать новую идентичность украинцев через перекодировку их сознания и отторжения всего русского в истории страны;
- спланировать украинское общество вокруг общего горя («Голодомора») и образа вечного врага в лице России;
- переключить внимание общества с современных проблем на вопросы истории, оправдав тем самым кризисные явления настоящего;
- и, наконец, главная задача: доказать древность и исключительность, вечную отдельность украинского народа от русского, а на этой основе обосновать историческую легитимность украинской нации и украинского государства¹⁵.

Принципы украинской мифоистории благодаря государственному инициированию агрессивно пронизывают не только обыденное историческое сознание, но и профессиональную историческую науку. Эти принципы сводятся к тому, что:

- цель исторической науки – обслуживать далёкую от науки идеологическую доктрину, а не объективно выявлять и осмысливать исторические факты;
- используются фальсифицированные термины и смысловые подтасовки, что позволяет подгонять исторические события под желаемые трактовки и априорно заданные выводы;
- создаётся такая идеологическая среда, в которой невозможно сохранять научный плюрализм;
- источники используются некорректно и произвольно, интерпретируются вне исторического контекста, подгоняются под антирусскую направленность выводов.

Данные принципы позволяют сделать нормой исторической политики явно фантастические утверждения: будто вся история Руси и даже её имя – это принадлежность Украины, а украинцы якобы существуют издревле (в радикально-фарсовом варианте – начиная с эпохи неолита), а не с XVI в. Все достижения исторической России приписываются только украинцам, а «Московия» соотносится исключительно с насилием, варварством, азиатчиной¹⁶. На этой бездока-

¹⁴ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 110–112.

¹⁵ Там же. С. 112, 139.

¹⁶ Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 223; Яковенко Н.Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Критика, 2006.

зательной основе официальная украинская историография утверждает, что украинцы всегда были европейцами и не имели ничего общего с «тюркофинскими» москалями; украинская нация уже существовала в XVII в. и боролась за независимость; гетман И. Мазепа якобы не предатель, а вождь народно-освободительной революции; русские монархи (прежде всего – Пётр I) ненавидели Украину и любыми способами стремились поработить украинцев и русифицировать их¹⁷.

Таким образом, делает вывод А.В. Ставицкий, налицо «технологии обоснования того, чего не было, но в соответствии с этнической, социальной и психологической мотивацией обязательно должно быть»¹⁸. Всё это придает украинской мифоистории этноцентричный, а потому иррациональный и нелогичный характер. Применяемая доктрина содержательно основана на подмене смыслов, а технически – на фальсификациях фактов. В итоге посредством манипуляций производится «подмена смыслового поля, его направленности и заряженности, нацеливающей на цивилизационный разрыв русского пространства»¹⁹.

Особенности украинской мифоистории аргументированно видятся А.В. Ставицкому в несформированности самой украинской нации как субъекта развития, в отсутствии до распада СССР украинской независимой государственности в качестве единого политико-правового и социокультурного проекта. То, что сейчас называется Украиной, поочередно было частью Древнерусского государства, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Османской империи, Российской империи, СССР. Это было полиэтничное и поликонфессиональное пространство, которое научно можно осмыслить только с позиций «перекрестной истории»²⁰, а не этноцентризма. Причём малороссы были разделены между несколькими государствами, не осознавая себя отдельной от великороссов, а тем более – единой нацией. О цивилизационной самостоятельности Украины говорить тем более не приходится. Арел Украины – это типичная буферная зона, фронтир между православной, католической и исламской цивилизациями. Поэтому украинская мифоистория не сможет быть аргументом самостоятельного цивилизационного и геополитического проекта, а способна служить лишь инструментом идеологического контроля Запада над Украиной.

¹⁷ Політична історія України: Навчальний посібник / за ред. В.І. Танцюри. Київ: Академія, 2008.

¹⁸ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 140, 141.

¹⁹ Там же. С. 145.

²⁰ Вендланд А.В. Україна транснаціональна: транснаціональність, трансфер культури, перехресна історія // Україна. Процеси націотворення / уряд. А. Каппелер; наук. ред. В. Маслійчук. Київ: К.І.С., 2011. С. 61–80.

Отмечает А.В. Ставицкий также «виктимность» украинской националистической историографии в отборе и трактовке событий прошлого²¹. Налицо определенное культивирование комплекса «народа-жертвы», болезненная фиксация на трагических фактах, пропаганда отречения от прежних идей славянского единства с целью сплотить нацию и воспитать ненависть к её врагам, самими же идеологами и сконструированными²².

Следовательно, украинская мифоистория не имеет отношения к исторической науке, а является технологией информационно-психологической войны²³, средством перекодирования исторической памяти общества и создания заново принципиально иной, антирусской этноцентричной общности. На время написания А.В. Ставицким серии монографий этот вывод выглядел лишь прогнозом, но сейчас он стал реальностью.

А.В. Ставицкий детально сравнивает версии происхождения Украины в национальной историографии, особо выделяя роль анонимного публицистического текста – «Истории русов» (конец XVIII в.)²⁴, а также работ И.П. Лысяка-Рудницкого²⁵ и М.С. Грушевского²⁶ в формировании «прокрустова ложа» мифоистории. Сопоставлены взгляды и второстепенных публицистов – М. Галычанца, Ю.М. Каныгина, Ю.А. Мыщыка. Рассматриваются фальсификации археологического прошлого украинских земель (завышение уровня развития Трипольской и Черняховской культур, их приписывание исключительно «древним украинцам»). Особое внимание уделено выбору и обоснованию этнонима «Украина», его смысловому противопоставлению «Московии». Установлено, что формирование и рост популярности антироссийской доктрины «украинства» состоялись в Галиции, принадлежавшей тогда Австро-Венгерской империи, во второй половине XIX – начале XX вв. Позиция А.В. Ставицкого последовательна: до этого времени на «окраинных» землях жили не «украинцы», а русские люди, русские по языку и культуре, понимавшие свою принадлежность к Русскому миру, русской традиции и вере²⁷.

²¹ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 166–179.

²² Субтельний О. Від советського до національного: тенденції в написанні історії України з 1991 року // Україна. Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер; наук. ред. В. Маслійчук. Київ: К.І.С., 2011. С. 31–38.

²³ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 189–192.

²⁴ Історія русів. Київ: Радянський письменник, 1991. 318 с.

²⁵ Лысяк-Рудницкий І. Историчні есе. У 2-х т. Київ: Основи, 1994. Т. 1. XXIII, 530 с.

²⁶ Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины с приложениями и дополнениями. Донецк: ООО ПКФ БАО, 2006.

²⁷ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 264.

Национально-исторический образ Украины анализируется А.В. Ставицким с позиций идентитарного подхода. Идентичность расценивается автором не как простая сумма самооценок индивидов и групп, а как проявление смысловой целостности сообщества (в данном случае – нации), насыщенное мотивациями и интересами, установками субъектов политики. В идентичности проявляется предназначение страны. Украинская же идентичность – это симулякр, причём малой исторической глубины. Социокультурный раскол Украины имеет цивилизационный характер. Украина, по мнению С. Хантингтона, – «расколотая страна», бывшая часть исторической России²⁸.

В историческом ракурсе для успешной политики конструирования идентичности важно выбрать и закрепить в массовом сознании образы героев и «знаковых» событий, противопоставить им образ врага. Учитывая раскол самосознания украинцев и региональные различия, очевидно, что набор «западных» героев (Мазепа, Бандера и т.п.) навязан остальным местностям страны искусственно. И автор монографии доказывает, что такое шизофреническое состояние идентичности – логичное следствие характера общества. Нынешняя Украина, по его мнению, – эклектичное, иррациональное явление, способное существовать только с внешней помощью и за чужой счёт. Украинское государство неполноценно, оно работает как корпорация по утилизации страны²⁹. Поэтому ему и не нужна подлинная идентичность – быть самобытной, но неразрывной частью Русского мира.

Выводы

Исторический выбор Украины между Западом и Востоком, по мнению А.В. Ставицкого, разворачивается по широкому спектру альтернатив – между нацизмом и демократией, унитаризмом и федерализацией, униатством и православием, антирусским и русским началами, демократией и авторитаризмом и др. Реальный выбор Украины лежит между архаизацией и модернизацией, жёсткой моделью этноцентризма и признанием «единства множеств»³⁰. Но автор признаёт: Украина, быть может, в своём развитии уже перешла черту (к весне 2015 г., когда была опубликована монография), за которой данный выбор перестал существовать. Украина свой выбор сделала в пользу худшего варианта. И такой, как до 2014 г., она уже не будет никогда. Далее А.В. Ставицкий исследует противоречие между реальными потребностями украинского общества и мифологизируемыми потребностями его «элит» – этнократическими и одновременно декларирующими евроинтеграцию страны. Но очевидно, что Евро-

²⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 145.

²⁹ Ставицкий А.В. Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 453, 455.

³⁰ Там же. С. 467.

пейскому Союзу не нужна модернизированная, сильная, самобытная Украина. ЕС нужен плацдарм для экспансии на Восток, нужны рынки сбыта и сырье, дешёвая рабочая сила. Поэтому «евроинтеграция» – лишь флёр для прикрытия архаизации Украины, принудительного культивирования хуторских, глубоко провинциальных мифологем Запада страны. Жизнь на цивилизационном и геополитическом разломе чревата распадом Украины либо полной потерей ею самобытности, заимствованием чужих мифологем. Основой этого вызова автор считает непреодоленный кризис идентичности, отсутствие объединительных созидательных идей и общей стратегии развития. Единственным спасительным выходом из кризиса А.В. Ставицкий считает возврат Украины к своим русским истокам³¹.

В качестве замечаний можно отметить смысловые повторы в тексте, частое многословие. Автор, бесспорно, увлечён темой и глубоко исследовал её, но на периферии внимания остались (по крайней мере, в рецензируемой книге) материалы социологических опросов об исторической памяти и историческом самосознании украинского общества. Напрашивается вопрос: а были ли в постсоветской Украине до 2014 г. влиятельные исторические школы, которые противостояли экспансии агрессивного национализма? И если они были, то почему не смогли оказать весомого воздействия на историческое самосознание в критический момент выбора – с ноября 2013 по апрель 2014 гг.? Но это уже тема нового исследования...

Таким образом, автор монографии выполнил идейно целостное и последовательное исследование мифотворчества в украинской историографии и публицистике. Исследование – самобытное, написанное ярким, эмоциональным языком и в то же время, логически выверенное. Монография А.В. Ставицкого вносит важный вклад в современные исторические исследования украинского национализма, совершенствуя в основном теоретико-методологические аспекты анализа темы.

Introduction

The relevance of the monograph written by A.V. Stavitsky, candidate of philosophy, associate professor of the Department of history and international relations of

³¹ *Ставицкий А.В.* Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибест, 2015. С. 676.

Lomonosov Moscow State University in Sevastopol, is obvious. Long gone are the days when positivists naively declared the ‘death of myth-making’ and the complete rationalization of historical knowledge. Modern historiography has recognized that both scientific and ordinary assessments of the past are always conditioned by the picture of the world, the worldview of certain societies on the whole or social groups. In these socio-cultural phenomena, there is inevitably a mythological component – irrational, syncretic, value-orientated, as well as historical ideas about the world¹. Myths, as A.V. Stavitsky reasonably writes, are not analysed, evaluated and not critically discussed. They are only observed and cultivated without even noticing it².

We will clarify that we share the socio-constructivist paradigm (Peter L. Berger, Thomas Lukman) in relation to the analysis of historical knowledge³. This position allows to reveal features of historical policy in the mythologization of the past – deliberate distortion of reality to fight for power and control over public consciousness. According to V. E. Molodyakov’s definition, historical policy rests upon on a basic story, which often assumes the character of a myth ... This is a kind of axis around which the historical consciousness of the subjects and everything that forms it, including teaching of history and historical research, at least to the extent that the power controls the latter, rotates or at any rate should rotate⁴.

Besides the fact that mythology is an inevitable attribute of self-organized mass consciousness, mythology is purposefully and prudently constructed by elites – political and intellectual⁵. In the context of the information society, a myth acquires the quality of a ‘matrix’, in accordance with which the images of the past, present and future are formed beneficial to the ruling elites, as well as strategies of civilizational and ideological control over consciousness are developed. By myth-making, elites build identities, maintain or change the value-based meanings of societies in accordance with their goals of gaining and retaining power.

¹ E. Cassirer, *The philosophy of symbolic forms, vol. 2: Mythical thought*, transl. by R. Manheim; introductory note by Ch.W. Hendel (New Haven; London: Yale University Press, 1955), 23–25; M. Magoulick, *What is Myth?*, <https://faculty.gcsu.edu/custom-website/mary-magoulick/defmyth.htm> (date of access: 09.08.2018); R.A. Segal, *Myth: a very short introduction* (Oxford: Oxford University Press, 2004), 34.

² A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 18.

³ P. Berger and T. Lukman, *Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge* (Moscow: Medium, 1995), 239–61.

⁴ V.E. Molodyakov, "Historical Policy and Memory Policy", in *Historical Research in Russia: Recent Trends. III* (Moscow: AIRO-XXI, 2012), 16.

⁵ P. Heehs, "Myth, History, and Theory", *History and Theory*, vol. 33, no. 1 (Feb.) (1994): 1–19; J. Coakley "Mobilizing the Past: Nationalist Images of History", *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 10, is. 4 (2004): 531–60; L.A. Mosionzhnik, *Technology of the historical myth* (St Petersburg: Nestor-History, 2012), 11.

Historical mythology is especially important for the ‘peripheral’ countries and nations experiencing acute inferiority complex, seeking to sublimate their secondary position in the world culture, economy, politics by writing myths about their heroic past. Such semantic constructions are dangerous because they provide archaization of mass consciousness in the dual categories of ‘friends and foes’, bringing up radical and ethno-nationalist attitudes. The above-mentioned regularities are fully manifested in the case of myth-making in modern Ukrainian historiography and non-fiction⁶.

Main body

A.V. Stavitsky's monograph under review is very unusual both in terms of its tasks and structure. The author has been working on the theme of Ukrainian historical myth-making for twenty years, for which, whilst living in Sevastopol until 2014, it was necessary to have considerable civil courage. The researcher's plan was consistently implemented in several monographs, each revealing an important mythological plot of the history of Ukraine – the Pereyaslav Council⁷, Russian-Ukrainian relations in the era of the Great Northern War⁸, the betrayal of Ivan Mazepa⁹, the proclamation of Ukraine's independence in 1917 and the ‘Holodomor’ (famine) of 1932–33¹⁰, the nation-building in the post-Soviet space¹¹, the ‘poverty of spirit’ of Ukraine's elites¹², etc. The author emphasizes his loyalty to the inter-disciplinary approach, paying tribute to the philosophical, historical and political aspects of Ukrainian myth-making in their inextricable mutual influence. In his opinion, by studying history, we end up trying to understand not so much the past as the present¹³. Myths attach symbolic significance to specific historical events. For mythmaking, not all the systems of facts and processes in their objective determination are needed, however only the phenom-

⁶ J. Cohen, "The Historian Whitewashing Ukraine's Past", *The Foreign Policy*, no. 5 (2016), <https://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/> (date of access: 09.08.2018); J.-P. Himka, *Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History*, <https://ukraineanalysis.wordpress.com/2011/08/07/interventions-challenging-the-myths-of-twentieth-century-ukrainian-history/> (date of access: 09.08.2018); A. Kappeler "Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories", *Journal of Eurasian Studies*, vol. 5, is. 2. July (2014), 107–15; T. Kuzio "Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian – Ukrainian Conflict", *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 15, no. 1 (2015): 157–69.

⁷ A.V. Stavitsky, *Pereyaslav Council: Experience of Mythological Interpretation* (Sevastopol: Ribest, 2014).

⁸ A.V. Stavitsky, *Myths of Ukraine: Slaughtering in Baturyn* (Sevastopol: Ribest, 2012).

⁹ A.V. Stavitsky, *Myths of Ukraine: Mazepa* (Sevastopol: Ribest, 2012).

¹⁰ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015).

¹¹ A.V. Stavitsky, *Ukrainian Identity: General Approaches to Designing and Mythologizing* (Sevastopol: Ribest, 2013).

¹² A.V. Stavitsky, *Ukrainian ‘Elite’: Identity and Global Choice* (Sevastopol: Ribest, 2011).

¹³ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 35.

ena that are relevant to modern society and are reconsidered in a biased way. Myths represent convenient material for the formation and recoding of the historical memory of society, as well as building new nations. This makes myths an effective weapon in information wars.

A.V. Stavitsky defines mytho-history as purposeful influence on public opinion with a view to gain control over national identity, adapting the past to the interests of the ruling elites. The Ukrainian mytho-history is unique in the fact that it requires to sever ties completely that were shaped (the idea of the common historical roots of Russians, Ukrainians and Belarusians, positive assessment of the reunification of Ukraine with Russia, understanding of historical Russia as Little Russian Fatherland – future generations of Ukrainians, etc.). The designation of the Ukrainian mytho-history is reasonably determined by A.V. Stavitsky as:

- an integral part of the system of control over the consciousness of the Ukrainians;
- an effective instrument of manipulation, creating new space full of meanings, in relation to which scientific logic has no force;
- the way of ethnic and civilizational recoding, the rejection of its historical roots, covered up by an arbitrary ‘selection’ of historical facts;
- part of the Ukrainian project of nation-building, motivated by a ‘parasitic existence’ at the expense of Russian civilization and its fundamental denial¹⁴.

The tasks of the Ukrainian mytho-history are as follows, as per the author’s opinion:

- to take control of the array of value-based meanings, where the identity of the Ukrainian people is created;
- to form a new identity of the Ukrainians through recoding of their consciousness and rejection of all Russian in the history of the country;
- to unite the Ukrainian society around the common grief (‘Holodomor’) and Russia’s image of their eternal enemy;
- to shift the attention of the society from contemporary problems to the issues of history, thereby justifying the present-day crisis;
- and, finally, the main objective would be to prove their antiquity and exclusivity, the eternal separation of the Ukrainian people from the Russians, and on this basis, to justify the historical legitimacy of the Ukrainian nation and the Ukrainian state¹⁵.

The principles of the Ukrainian mytho-history, due to state-based triggering, aggressively permeate not only the ordinary historical consciousness, however also the professional historical science. These principles ‘boil down’ to the fact that:

¹⁴ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 110–12.

¹⁵ *Ibid*, 112, 139.

- the goal of historical science is to serve the ideological doctrine being far from science, and not to reveal and comprehend historical facts objectively;
- falsified terms and semantic manipulation are used, which makes it possible to adjust historical events to the desired interpretations and defined a priori insights;
- an ideological environment is created, where it is impossible to demonstrate scientific pluralism;
- sources are used incorrectly and arbitrarily, interpreted outside the historical context, adjusted to the anti-Russian orientation of the conclusions.

These principles allow making clearly fantastic statements as the norm of historical policy: as if the whole history of Rus and even its name is that of Ukraine, and the Ukrainians allegedly exist from ancient times (in the radical farce variant – from the Neolithic period), and not from the 16th century. All the achievements of historical Russia are attributed only to the Ukrainians, and “Muscovy” refers exclusively to violence, barbarism and Asiatic¹⁶. On this unproven basis, official Ukrainian historiography claims that the Ukrainians have always been Europeans and had nothing to do with the ‘Turkic-Finnish’ Muscovites; the Ukrainian nation already existed in the 17th century and fought for its independence; Hetman Ivan Mazepa was not a traitor, however leader of people’s liberation revolution; Russian monarchs (first of all – Peter the Great) hated Ukraine and by all means tried to enslave the Ukrainians and rus-sify them¹⁷.

Thus, A.V. Stavitsky concludes, there is a technology of justifying what has never happened, but in accordance with ethnic, social and psychological motivation was meant to be¹⁸. All this makes the Ukrainian mytho-history ethnocentric, and therefore irrational and illogical. The used doctrine is substantively based on the substitution of meanings, and technically on falsification of facts. Because of manipulation, the semantic field is substituted, as well as its orientation and ‘state of charge’, aimed at the civilizational gap in the ‘Russian space’¹⁹.

The peculiarities of Ukrainian mythological history are argumentatively seen by A.V. Stavitsky in the unformed nature of the Ukrainian nation itself as a subject of development, in the absence of Ukrainian independent statehood before the collapse of the USSR as a single political, legal and socio-cultural project. What is now called Ukraine, alternately was part of the Ancient Russian State, the Grand Duchy of Lithuania, Rzeczpospolita, the Ottoman Empire, the Russian Empire and the USSR. It was a multi-ethnic and poly-confessional space, which can only be scientifically

¹⁶ T.G. Tairova-Yakovleva, *Mazepa* (Moscow: Young Guard, 2007), p. 223; N.N. Yakovenko, *Essay on the History of Ukraine from Ancient Times to the end of the 18th century* (Kiev: Kritika, 2006).

¹⁷ *Political History of Ukraine: Textbook*, ed. by V.I. Tancyura (Kiev: Академія, 2008).

¹⁸ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 140–41.

¹⁹ *Ibid*, 145.

understood from the standpoint of ‘criss-cross history’²⁰, not ethnocentrism. And the Little Russians were divided between several states, not being aware of themselves living separately from Great Russia, and even more so – as a single nation. One cannot suggest civilizational independence of Ukraine at all. The area of Ukraine is a typical buffer zone, a frontier between Orthodox, Catholic and Islamic civilizations. Therefore, the Ukrainian mytho-history cannot be an argument of an independent civilizational and geopolitical project, however it can only serve as an instrument of ideological control of the West over Ukraine.

A.V. Stavitsky also notes the ‘victimization’ of Ukrainian nationalist historiography in the selection and interpretation of past events²¹. There is a definite cultivation of the ‘nation-victim’ feeling of inferiority, a painful fixation on the tragic facts, propaganda of renunciation of the former ideas of Slavic unity to unite the nation and cultivate hatred for their enemies, constructed by the ideologists themselves²².

Consequently, the Ukrainian mytho-history has nothing to do with historical science; however it is a technology of information-psychological warfare²³, a means of recoding the historical memory of society and creating an entirely different, anti-Russian ethnocentric community. While A.V. Stavitsky was writing his series of monographs, this conclusion was only a prediction, however now it has become a reality.

A.V. Stavitsky compares in detail the versions of Ukraine’s origin in national historiography, specifically highlighting the role of an unattributed publicist text – ‘The History of the Russ’ (end of 18th century)²⁴, as well as the works of I.P. Lysyak-Rudnitskii²⁵ and M.S. Grushevskii²⁶ in the metaphor of the ‘Procrustean Bed’ in mytho-history. The views of the minor publicists – M. Galychanets, Yu.M. Kanygin, Yu.A. Mytsyk – are compared as well. The falsifications of the archaeological past of the Ukrainian territories (overestimation of level of development in Tripoli and the Chernyakhov cultures, their attribution exclusively to ‘ancient Ukrainians’) are considered. Attention is paid to the choice and justification of the ethnonym ‘Ukraine’

²⁰ A.V. Vendland, “Transnational Ukraine: Transnationalism, cultural transfer, cross-cultural history”, in *Ukraine. The Processes of Nation-building*, arranged by A. Kappeler; ed. V. Maslijchuk (Kiev: K.I.C., 2011), 61–80.

²¹ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 166–79.

²² O. Subtel'nii, " From Soviet to National: Trends in Writing History of Ukraine since 1991", in *Ukraine. The Processes of Nation-building*, arranged by A. Kappeler ; ed. by V. Maslijchuk (Kiev: K.I.C., 2011), 31–38.

²³ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 189–92.

²⁴ *History of Rus* (Kiev: Radyans’kii pis’mennik, 1991).

²⁵ Lysyak-Rudnitskii, I. *Istorichni ese V 2-h t.* [Historical Essays. In 2 vols.] (Kiiv: Osnovy, 1994, vol. 1).

²⁶ M.S. Grushevskii, *Illustrated History of Ukraine with Supplements and Additions* (Donetsk: OOO PKF BAO, 2006).

and its semantic opposition to ‘Muscovy’. It is established that the formation and growth of popularity of the anti-Russian doctrine of ‘Ukrainianness’ occurred in Galicia, which then belonged to the Austro-Hungarian Empire, in the second half of the 19th and early 20th centuries. A.B. Stavitsky’s position is consistent: until that time, it was not ‘Ukrainians’ who lived on the ‘outskirts’, however Russian people, Russians as per their language and culture, who understood their belonging to the Russian world, Russian tradition and faith²⁷.

The national historical image of Ukraine is analysed by A.V. Stavitsky from the position of identity approach. Identity is not regarded by the author as a simple sum of self-assessments of individuals and groups, however as manifestation of semantic integrity of the community (in this case, their nation), saturated with motivations and interests, as well as attitudes of politics players. In identity, the mission of the country is manifested. Ukrainian identity is a simulacrum, of a small historical depth. The sociocultural split of Ukraine has a civilizational character. According to Samuel Huntington, Ukraine is a ‘split country’, the former part of historical Russia²⁸.

From a historical perspective, for a successful identity-building policy, it is important to select and consolidate the images of heroes and ‘iconic’ events in the collective consciousness, to oppose them to the image of the enemy. Considering the split in the self-awareness of the Ukrainians and regional differences, it is obvious that the list of ‘Western’ heroes (Mazepa, Bandera, etc.) is imposed artificially upon the rest of the country. And the author of the monograph proves that such a schizophrenic state of identity is a logical consequence of the nature of the society. The current Ukraine, in his opinion, is an eclectic, irrational phenomenon that can exist only with external help and at someone else’s expense. The Ukrainian state is inferior; it works as a corporation for the utilization of the country²⁹. Therefore, it does not need a genuine identity – to be an original, but inseparable part of the Russian world.

Conclusion

The historical choice of Ukraine between East and West, according to A.V. Stavitsky, unfolds over a wide range of alternatives – between Nazism and democracy, unitarism and federalization, Uniatism and Orthodoxy, anti-Russian and Russian principles, democracy and authoritarianism, etc. The real choice of Ukraine lies between archaization and modernization, a rigid model of ethnocentrism and the recognition of the ‘unity of elements’³⁰. However, the author admits: Ukraine, perhaps, in its development has already crossed the line (by the spring of 2015, when the monograph was published), beyond which this choice ceased to exist. Ukraine has made its

²⁷ A.V. Stavitsky, *National Historical Mmyth of Ukraine* (Sevastopol: Ribest, 2015), 264.

²⁸ S. Huntington, *Clash of Civilizations* (Moscow: AST, 2003), 145.

²⁹ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine*. (Sevastopol: Ribest, 2015), 453, 455.

³⁰ *Ibid*, 467.

choice in favour of the worst option. And it will never be the same again, as prior to 2014. Further, A.V. Stavitsky explores the contradiction between the real needs of Ukrainian society and the mythologized needs of its 'elites' – ethnocentric and at the same time declaring the country's European integration. However, it is obvious that the European Union does not need a modernized, strong and authentic Ukraine. The EU needs a springboard for expansion to the East, markets and raw materials and cheap labour. Therefore, 'euro integration' is just a 'vibe' for covering up the archaization of Ukraine, forcibly cultivated rural provincial mythology of the country. Life on a civilizational and geopolitical 'fault' is fraught with the collapse of Ukraine, or complete loss of its identity and borrowing other people's mythologies. The author considers the crisis of identity, lack of unifying creative ideas and the overall development strategy to be the basis of this challenge. A.V. Stavitsky considers Ukraine's return to its Russian origins the only salutary way out of the crisis³¹.

As a commentary, one might note the semantic repetitions in the text and frequent verbosity. The author is undoubtedly fascinated by the topic and has deeply investigated it, but on the periphery of attention there were (at least in the reviewed book) the materials of sociological surveys about the historical memory and historical self-consciousness of Ukrainian society. The question arises: were there any influential historical schools in post-Soviet Ukraine until 2014 that opposed the expansion of aggressive nationalism? And if so, why could not they have a significant impact on historical self-awareness at the crucial moment of choice – from November 2013 to April 2014? However, this would be the topic for a new study...

Thus, the author of the monograph carried out an ideologically holistic and consistent study of myth-making in Ukrainian historiography and non-fiction. The research is original, written in bright, emotional language and at the same time, is logically verified. A.V. Stavitsky's monograph makes an important contribution to modern historical studies of Ukrainian nationalism, improving mainly theoretical and methodological aspects to analyse the topic.

Список литературы

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

Вендланд А.В. Україна транснаціональна: транснаціональність, трансфер культури, перехресна історія // Україна. Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер; наук. ред. В. Маслійчук. Київ: К.І.С., 2011. С. 61–80.

Грушевский М.С. Иллюстрированная история Украины с приложениями и дополнениями. Донецк: ООО ПКФ БАО, 2006. 768 с.

Історія русів. Київ: Радянський письменник, 1991. 318 с.

Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. У 2-х т. Київ: Основи, 1994. Т. 1. XXIII, 530 с.

³¹ A.V. Stavitsky, *National Historical Myth of Ukraine*. (Sevastopol: Ribest, 2015), 676.

- Молодяков В.Э.* Историческая политика и политика памяти // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. III. М.: АИРО–XXI, 2012. С. 15–35.
- Мосионжник Л.А.* Технология исторического мифа. СПб.: Нестор-История, 2012. 415 с.
- Політична історія України: Навчальний посібник / за ред. В.І. Танцюри. Київ: Академія, 2008. 488 с.
- Ставицкий А.В.* Мифы Украины: Батуриная резня. Севастополь: Рибэст, 2012. 252 с.
- Ставицкий А.В.* Мифы Украины: Мазепа. Севастополь: Рибэст, 2012. 172 с.
- Ставицкий А.В.* Национально-исторический миф Украины. Севастополь: Рибэст, 2015. 748 с.
- Ставицкий А.В.* Переяславская Рада: опыт мифологической интерпретации. Севастополь: Рибэст, 2014. 124 с.
- Ставицкий А.В.* Украинская идентичность: общие подходы конструирования и мифологизации. Севастополь: Рибэст, 2013. 184 с.
- Ставицкий А.В.* Украинская «элита»: идентичность и глобальный выбор. Севастополь: Рибэст, 2013. 209 с.
- Субтельний О.* Від советського до національного: тенденції в написанні історії України з 1991 року // Україна. Процеси націотворення / упоряд. А. Каппелер; наук. ред. В. Маслійчук. Київ: К.І.С., 2011. С. 31–38.
- Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М.: Молодая гвардия, 2007. 272 с.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603, 5 с.
- Яковенко Н.Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ: Критика, 2006. 584 с.
- Cassirer E.* The philosophy of symbolic forms. Vol. 2: Mythical thought / translated by R. Manheim; introductory note by Ch.W. Hendel. New Haven; London: Yale University Press, 1955. 269 p.
- Coakley J.* Mobilizing the Past: Nationalist Images of History // Nationalism and Ethnic Politics. London, 2004. Vol. 10. Is. 4. P. 531–560.
- Cohen J.* The Historian Whitewashing Ukraine's Past // The Foreign Policy. 2016. No 5. The Foreign Policy Journal. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/> (accessed: 09.08.2018).
- Heehs P.* Myth, History, and Theory // History and Theory. Middletown, 1994. Vol. 33, No. 1 (Feb.). P. 1–19.
- Himka J.-P.* Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History. URL: <https://ukraineanalysis.wordpress.com/2011/08/07/interventions-challenging-the-myths-of-twentieth-century-ukrainian-history/> (accessed: 09.08.2018).
- Kappeler A.* Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories // Journal of Eurasian Studies. 2014. Vol. 5. Is. 2. July. P. 107–115.
- Kuzio T.* Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian-Ukrainian Conflict // Studies in Ethnicity and Nationalism. 2015. Vol. 15. No. 1. P. 157–169.
- Magoulick M.* What is Myth? URL: <https://faculty.gcsu.edu/custom-website/mary-magoulick/defmyth.htm> (accessed: 09.08.2018).
- Segal R.A.* Myth: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2004. 163 p.

References

Berger, P., and T. Lukman. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (in Russian)

Cassirer, E. *The philosophy of symbolic forms*. Vol. 2: Mythical thought; translated by R. Manheim; introductory note by Ch.W. Hendel. New Haven; London: Yale University Press, 1955. 269 p.

Coakley, J. "Mobilizing the Past: Nationalist Images of History", *Nationalism and Ethnic Politics*, vol. 10, is. 4 (2004): 531–60.

Cohen, J. "The Historian Whitewashing Ukraine's Past", *The Foreign Policy*, no. 5 (2016). The Foreign Policy Journal. <https://foreignpolicy.com/2016/05/02/the-historian-whitewashing-ukraines-past-volodymyr-viatrovych/> (date of access: 09.08.2018).

Grushevskij, M.S. *Ilyustrirovannaya istoriya Ukrainy s prilozheniyami i dopolnennyami* [Illustrated History of Ukraine with Supplements and Additions]. Donetsk: OOO PKF BAO, 2006. 768 p. (in Ukrainian)

Huntington, S. *Stolknovenie civilizacij* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST, 2003. 605 p. (in Russian)

Heehs, P. "Myth, History, and Theory", *History and Theory*. Middletown, vol. 33, no. 1 (Feb.) (1994): 1–19.

Himka, J.-P. *Interventions: Challenging the Myths of Twentieth-Century Ukrainian History*. <https://ukraineanalysis.wordpress.com/2011/08/07/interventions-challenging-the-myths-of-twentieth-century-ukrainian-history/> (date of access: 09.08.2018).

Istoriya rusiv [History of Ruses]. Kiev: Radyans'kii pis'mennik, 1991. 318 p. (in Ukrainian)

Kappeler, A. "Ukraine and Russia: Legacies of the imperial past and competing memories", *Journal of Eurasian Studies*, vol. 5, is. 2, July (2014): 107–15.

Kuzio, T. "Competing Nationalisms, Euromaidan, and the Russian-Ukrainian Conflict", *Studies in Ethnicity and Nationalism*, vol. 15, no. 1 (2015): 157–69.

Lysyak-Rudnitskii, I. *Istorighni ese V 2-h t.* [Historical Essays. In 2 vols.]. Kiiv: Osnovy, 1994, vol. 1. 530 p. (in Ukrainian)

Magoulick, M. "What is Myth?" <https://faculty.gcsu.edu/custom-website/mary-magoulick/defmyth.htm> (date of access: 09.08.2018).

Molodyakov, V.E. "Historical Policy and Memory Policy" *Historical Research in Russia: Recent Trends. III*, 15–35. Moscow: AIRO-XXI, 2012. (in Russian)

Mosionzhnik, L.A. *Tehnologiya istoricheskogo mifa* [Technology of a Historical Myth]. St Petersburg: Nestor-Istoriya, 2012. 415 p. (in Russian)

Politichna istoriya Ukraini: Navchal'nij posibnik [Political History of Ukraine: Textbook], edited by V.I. Tancyura. Kiev: Akademiya, 2008. 488 p. (in Russian)

Segal, R.A. *Myth: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2004. 163 p.

Stavickii, A.V. *Mify Ukrainy: Baturinskaya reznya* [Myths of Ukraine: Slaughtering in Baturyn]. Sevastopol: Ribest, 2012. 252 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Mify Ukrainy: Mazepa* [Myths of Ukraine: Mazepa]. Sevastopol: Ribest, 2012. 172 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Nacional'no-istoricheskij mif Ukrainy* [National Historical Myth of Ukraine]. Sevastopol: Ribest, 2015. 748 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Pereyaslavskaya Rada: opyt mifologicheskoi interpretacii* [Pereyaslav Council: Experience of Mythological Interpretation]. Sevastopol: Ribest, 2014. 124 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Ukrainskaya 'elita': identichnost' i global'nyi vybor* [Ukrainian 'Elite': Identity and Global Choice]. Sevastopol: Ribest, 2013. 209 p. (in Russian)

Stavickii, A.V. *Ukrainskaya identichnost': obshie podhody konstruirovaniya i mifologizacii* [Ukrainian Identity: General Approaches to Designing and Mythologizing]. Sevastopol: Ribest, 2013. 184 p. (in Russian)

Subtel'nii, O. "From Soviet to National: Trends in Writing History of Ukraine since 1991", *Ukraine. The Processes of Nation-building*, arranged by A. Kappeler; edited by V. Maslijchuk, 31–38. Kiev: K.I.S., 2011. (in Russian)

Tairova-Yakovleva, T.G. *Mazepa* [Mazepa]. Moscow: Molodaya gvardiya, 2007. 272 p. (in Russian)

Vendland, A.V. "Transnational Ukraine: Transnationalism, cultural transfer, cross-cultural history", *Ukraine. The Processes of Nation-building*, arranged by A. Kappeler; edited by V. Maslijchuk, 61–80. Kiev: K.I.S., 2011. (in Ukrainian)

Yakovenko, N.N. *Naris istorii Ukraini z naidavnishih chasiv do kincya XVIII stolittya* [Essay on the History of Ukraine from Ancient Times to the end of the 18th century]. Kiev: Kritika, 2006. 584 p. (in Ukrainian)